

Политическая культура молодежи: особенности российского кейса^{*}

Political Culture of Youth: Features of the Russian Case

С. ЗАХАРОВ

Захаров Сергей Михайлович, канд. полит. наук, ассистент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева. E-mail: zakharov1201@rambler.ru

В статье предпринимается попытка определить особенности политической культуры молодежи в постсоветской России, оценивая влияние социально-психологических характеристик, пространственно-временных особенностей среды и информационного пространства на ее формирование. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как политическая культура молодежи реагирует на социокультурные и политические вызовы. В работе использовались исторический и бихевиористический методы. В результате проведенного анализа установлено, что политическая культура молодежи представляет собой сложный и многогранный феномен, формируемый под воздействием множества факторов, в числе которых социальные, культурные, информационно-технологические аспекты, а также исторический контекст.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, политическое сознание, политическое поведение, Россия.

This article aims to elucidate the characteristics of the political culture among youth in post-Soviet Russia, examining the impact of socio-psychological attributes, spatio-temporal environmental factors, and the dynamics of the information landscape on its development. The significance of this study is underscored by the necessity to comprehend how the political culture of youth adapts to various socio-cultural and political challenges. The work used historical and behavioral methods. Through a comprehensive analysis, it has been determined that the political culture of youth constitutes a complex and multifaceted phenomenon, shaped by an array of influences, including social, cultural, technological, and historical contexts.

Key words: youth, political culture, political consciousness, political behavior, Russia.

Основные положения

1. Личностные особенности молодого человека, проходя через призму социальных норм и культурных контекстов, трансформируются и формируют уникальную политическую идентичность. В этом смысле политическая культура становится не просто результатом внешних влияний и внутренних характеристик, а динамичной системой, где каждый элемент влияет на другой на протяжении всей жизни.
2. Пространственно-временной контекст, содержащий в себе региональное разнообразие России в сочетании с особенностями постсоветского периода, в рамках которого общество было свидетелем демократического транзита и формирования вертикали власти, определил условия для проявления различных типов политической культуры, позволяя молодежи подстраиваться под изменяющиеся политические реалии и искать свою идентичность в сложном политическом ландшафте.
3. Открытость и доступность интернет-пространства способствуют появлению участнического типа политической культуры у молодежи, однако его реальное выражение во многом определяется той политической системой, в которой находится индивид.

Введение

Ключевым этапом для формирования основополагающих политических установок становится период молодости, что позволяет в рамках научного дискурса говорить о молодежной

^{*} Ссылка на статью: Захаров С.М. Политическая культура молодежи: особенности российского кейса // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 3. С. 124–129. DOI: 10.34773/EU.2025.3.23.

политической культуре. В. Крикунова определяет ее как «совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, воплощающих ценностные представления о смыслах и целях развития мира политики и закрепляющих устоявшиеся нормы и традиции взаимоотношения государства и общества в соответствующих деятельности институтов власти, и создающих преемственность политического развития социума» [6, 13].

Развивая понятие уже в соавторстве с Ю. Ивановой, автор отмечала, что «молодежную политическую культуру можно представить, с одной стороны, как часть общей культуры, а с другой – как некий синтез значимых политических характеристик молодежи» [4, 48].

Эта двойственность дает основание считать, что формирование молодежной политической культуры происходит под влиянием свойственных для периода молодости социально-психологических характеристик, а также пространственно-временных особенностей среды, в которых находятся молодые люди. Кроме этого, влияние оказывает информационное пространство, становясь одним из определяющих факторов в современном обществе.

Рассуждая об уровне научной проработанности темы, следует отметить, что в конце 1980 – начале 1990-х гг. интерес исследователей к политической культуре молодежи наблюдался в контексте перестройки и последующих трансформационных процессов. Этому были посвящены диссертационные работы В. Бушуева, Л. Гуляева, С. Коробейникова, А. Федоренко.

Авторы также обращали внимание на политическую культуру различных групп молодежи, в числе которых студенческая (В. Гришин, И. Милюкова, А. Мифтахов, Ю. Сидоренко, В. Товбина, Л. Шелюк), рабочая (А. Викулов, И. Кондрусев, Л. Кривоцук, Г. Лагутенкова) сельская (В. Выткалов Ю. Лепешкин). При этом в некоторых работах учитывалась региональная специфика, зафиксированная в материалах, полученных в ходе исследований в республиках СССР.

В рамках постсоветского научного дискурса тема политической культуры молодежи не утратила своей актуальности. Об этом свидетельствовали работы, в которых авторы (С. Никулина, Д. Руденкин) обращали внимание на особенности и противоречия данного феномена.

С ростом влияния медиа авторы оценивали их воздействие на формирование и изменение политической культуры молодежи. В их числе работы А. Бучкина и Л. Фирулевой, К. Ивановой, А. Казакова, М. Медведевой, С. Савиной и С. Масеева, И. Ставецкой.

Широкое социально-экономическое и культурное разнообразие России обуславливало исследовательский интерес к изучению региональной специфики политической культуры молодежи. Его проявляли В. Берковский, Ю. Ломп и З. Цеева, А. Питерова [и др.], В. Разинская, А. Сафронова и М. Огорокова, О. Халлисте, Э. Чекмарев, А. Шарапов.

Проблема исследования заключается в недостаточном понимании взаимосвязи между социально-психологическими характеристиками, пространственно-временными контекстами и информационным пространством, формирующими политическую культуру молодежи, что ограничивает возможности для разработки эффективных стратегий вовлечения молодых людей в политическую жизнь и повышения уровня их гражданского сознания.

Цель исследования – изучить влияние социально-психологических особенностей формирования личности, пространственно-временной специфики постсоветской России и информационного пространства на политическую культуру молодежи.

Задачи исследования: 1) определить, какие социально-психологические аспекты находят свое отражение в политической культуре молодежи; 2) рассмотреть трансформацию политической культуры молодежи в постсоветский период в России с учетом пространственной специфики; 3) оценить воздействие современных технологий и медиа на процесс формирования политической культуры молодежи.

Методы

В работе использовался исторический метод, дающий возможность оценить, каким образом происходящие в постсоветской России социально-политические и экономические изменения оказывали влияние на политическую культуру молодежи. Также применялся бихевиористический

метод, позволяющий оценить взаимозависимость между политической культурой и особенностями поведения молодежи, с учетом социально-психологических, пространственно-временных особенностей и развития информационных технологий.

Результаты и обсуждение

Социально-психологические характеристики.

Рассуждая о формировании политической культуры, следует отметить, что этот процесс, по представлению О. Анисимовой, делится на два основных этапа. «На первом происходит особая деятельность приобретения политической культуры (присвоение знаний, воспитание убеждений, выработка оценок). Второй заключается в проявлении активности, реализующей эти знания, убеждения и оценки» [1, 30].

По своей сути, молодежь находится в фазе присвоения, которая, однако, характеризуется не просто поглощением предлагаемых обществом и властью нарративов, а скорее динамичным взаимодействием с существующим дискурсом. При этом важным становится то, когда молодежь сможет воспроизводить свою политическую культуру, поскольку в силу свойственных для нее психологических характеристик, в числе которых импульсивность и желание перемен, она стремится как можно раньше осуществить этот переход. «Молодежь чаще отрицает предыдущий опыт, чем его усваивает, реализуя свой инновационный потенциал. Ее активное взаимодействие с новыми социальными посредниками, включенность в глобальный мир, способность чувствовать, познавать и осваивать новые нарождающиеся социальные образцы (экономические, политические, культурные) не только придает ей динамизм, но и делает ее важнейшей движущей силой инновационного развития» [3, 4].

В рамках демонстрации этого потенциала молодежь может формулировать альтернативную повестку, актуализируя, например, такие темы как экология или свобода слова, которые редко попадают в предметное поле старшего поколения. Подобные действия обогащают политический дискурс, видоизменяя политическую культуру всего общества.

Однако в силу психоэмоциональной неустойчивости, маргинальности социального статуса, отсутствия жизненного опыта и полноты знаний, некоторые инициативы и взгляды на окружающую действительность могут нести в себе потенциальные риски. Это способно привести к конфликту между молодежной политической культурой и уже сложившимися политическими установками, которые разделяют более представительное старшее поколение. В этой связи для развития политической культуры важно поддержание необходимого баланса между унаследованными убеждениями и инновационной мыслью, который требуется для плавного прохождения молодежью точки сборки, отмеченной как возможностями, так и неопределенностью.

Пространственно-временные особенности среды.

Первое постсоветское десятилетие, положившее начало глубокой трансформации российского общества, фундаментальным образом повлияло на политическую культуру молодежи. Идеологические рамки, ранее определявшие советскую идентичность, стали носить фрагментарный характер, оставив лакуны, которые молодые люди должны были заполнить своими собственными убеждениями и ценностями.

Находясь в этом сложном положении, где отголоски коммунистической идеологии сталкиваются с реалиями глобализованного капиталистического общества, молодежь активировала техники адаптации, в рамках которых происходили следующие изменения: «индивидуализм как стержень “самостроительства” ценностного мира – на смену коллективизму; склонность к сверхмобильности и риску – на смену стабильности; стремление к получению разнообразного трудового опыта – на смену стажу на одном рабочем месте; престиж работы в негосударственных, коммерческих и общественных структурах – на смену государственным гарантиям бюджетной сферы; рыночный карьеризм – на смену партийно-бюрократическому; потребление как использование товаров, услуг и идей для самореализации и самопрезентации; доминирование материальных ценностей над идеологическими; профессиональный статус, качественное образование и материальное благополучие как маркеры социального успеха; деньги как

прямой эквивалент свободы и независимости; индивидуальная стилистика вместо воспитания коллективом» [7, 76].

Процесс замены сложившихся за советские годы нарративов приводил к разрыву с представителями старшего поколения, для которых вытеснение советской ментальности не было простым. При этом дистанция увеличивалась еще и за счет большей лояльности молодых людей к проявлениям западной массовой культуры, которая предлагала альтернативную повестку, существенно выходящую за рамки ограниченного опыта их родителей.

Свои коррективы в формирование политической культуры молодежи вносили и происходившие в стране общественно-политические процессы, характеризующиеся высокой степенью неопределенности. Проявляющийся в первые постсоветские годы энтузиазм и надежды на демократические реформы, столкнувшись с инфляцией, безработицей и политической турбулентностью, сменились некоторыми сомнениями в предлагаемом курсе, что привело к возрождению интереса к идеям социальной справедливости и тоске по стабильности прошлого.

С приходом к власти В. Путина политическая культура молодежи начала меняться. Однако этот процесс не был одномоментным, учитывая дезориентированность молодежи, в которой она пребывала в 1990-е гг. Это состояние фиксировалось в ходе опроса проведенного в ноябре 2002 г. (n = 766 человек, преимущественно из сельской местности). «На вопрос: “Как Вы сами оцениваете уровень политических знаний, своей политической культуры?” – 77,6% ответили: “Мой уровень политической культуры средний”; 18,7% определили его как низкий. Число респондентов, посчитавших свой уровень политической культуры высоким, не составило и одного процента» [8, 105].

Видя риски для своей легитимности, власть была заинтересована в приведении политической культуры молодежи к единому знаменателю, стремясь зафиксировать в сознании подданные принципы, необходимые для стабильного функционирования системы. Молодежь принимала эти интенции и адаптировалась к новым условиям, что вело к консолидации вокруг существующей власти.

Эти стремления нашли свое отражение в ходе всероссийского опроса студенческой молодежи (n = 1600 человек, возраст 18–24 лет, осень 2020 г.), проведенного Т. Евгеньевой, А. Селезневой, Д. Антоновым. Согласно ему авторы отмечали, что «патерналистские ориентации у молодежи достаточно сильны: 54% наших респондентов перекладывают ответственность за обеспечения блага граждан на государство и власть» [2, 65].

Такое положение дел можно рассматривать как утилитарную реакцию на вызовы времени, когда молодые люди, осознав невозможность действовать независимо, начали искать способы интеграции в новую политическую реальность. Находясь в этой парадигме, молодежь вновь сделала подданные элементы политической культуры неотъемлемой частью своей идентичности, перекинув мостик к советскому прошлому, конструируемому в сознании нового поколения как период стабильности и безопасности.

Укрепление подданнического типа политической культуры происходило еще и на фоне укрепления роли главы государства, образу которого властный дискурс уделял особое внимание. В частности, согласно опросу, проведенному И. Кохом, Т. Бирюковой, А. Скутиным среди студентов Уральского государственного горного университета (n = 425 человек, ноябрь – декабрь 2018 г.), «треть студентов оценили степень своего доверия к различным органам власти на “удовлетворительно”, примерно столько же на “неудовлетворительно” ...<...>... Исключением остается отношение молодежи к Президенту РФ» [5, 27–28].

Параллельно с этим сокращались возможности для развития парохияльного типа, что было обусловлено падением влияния местных элит, которое происходило на фоне укрепления вертикали власти.

Несмотря на активную работу по политической институционализации молодежи, общественно-политические события, например, такие как акции протеста 2011–2012 гг., 2017 г. или 2021 г., позволяли молодежи продемонстрировать участнический тип политической культуры. Однако его развитие сопровождалось чувством апатии, которое было вызвано достаточно

низкой эффективностью выступлений. В конечном итоге возможность для демонстрации активистских проявлений была найдена в рамках низовых инициатив на региональном уровне – в частности, выступления в поддержку С. Фургала (Хабаровский край) или против разработки шихана Куштау (Республика Башкортостан).

Информационное пространство.

Свои коррективы вносила открытость молодых людей к общемировым трендам, доступным посредством сети Интернет. Находясь в рамках некоего «культурного супермаркета», они становились своего рода потребителями, выбирая для себя необходимый набор знаний и компетенций, необходимой для формирования на их взгляд релевантной политической культуры, востребованной данным обществом и политической системой. Однако подобные рецепции могли испытывать определенное региональное преломление, поскольку для консервативной провинциальной среды подобные тенденции выглядели более инородно, чем для мультикультурных мегаполисов, где лояльность и восприятие были значительно выше. Это дает основание считать, что провинциальная молодежь в большей степени будет склонна придерживаться доминирующей там политической культуры, стремясь избежать конфликтов внутри тесно связанного провинциального сообщества.

Развитие цифрового пространства оказывает влияние и на поведенческие модели. Согласно исследованию Т. Евгеньевой, А. Селезневой, Д. Антонова, «более половины опрошенных (51 %) подписывают онлайн-петиции, 36 % респондентов принимают участие в онлайн-обсуждениях политического процесса, а 20 % респондентов даже транслируют свое мнение на собственные онлайн-аудитории» [2, 68].

Это дает основание говорить о том, что сетевые технологии предоставляют возможность для актуализации участнической политической культуры. Однако, учитывая уровень развития технологий и механизмов деанонимизации, власть сохраняет за собой надзорные функции, что позволяет ей купировать проявления протестного дискурса. Понимая это, молодежь переводит себя в режим самоцензурирования, что дает основание для формирования гибридного типа политической культуры, сочетающего в себе участнические и подданнические элементы.

С ростом градуса противостояния с так называемым «коллективным Западом» и актуализацией экзистенциальных угроз, в качестве наполнения для политической культуры молодежи в дискурсе власти стали продвигаться нарративы национального суверенитета и роли России как государства-цивилизации. В частности, эти концепции получили свое освящение в рамках курса «Основы российской государственности», введенного с 2023 г. в перечень учебных дисциплин для вузов России. Такой подход вкупе с практически полным исключением протестной повестки, закреплял доминацию подданнического типа, который допускал участнические проявления только в конвенционных формах, не противоречащих установленным властью нарративам и паттернам поведения.

Данный посыл, исходящий со стороны власти, не резонирует с позицией молодежи. Согласно опросу, проведенному И. Кохом, Т. Бирюковой, А. Скутиным, 39,5 % допускали свое участие «в политических акциях, демонстрациях, митингах, разрешенных органами власти», в то время как «в мирных, но не разрешенных демонстрациях и митингах» – 14 %. Варианты, которые можно было охарактеризовать как более радикальные, вызывали еще меньшую готовность к участию [5, 25–26]. Это дает основание считать, что в политической культуре современной молодежи заложены, главным образом, конвенционные формы политического участия.

Заключение

Политическая культура молодежи – это не просто отражение текущего политического климата; это жизненно важная сила, которая формирует общественное сознание. На нее, с одной стороны, оказывают влияние психологические особенности формирования личности и социальное окружение, с другой – историческая действительность и пространственная специфика, в которой находится человек. При этом немаловажное значение играет характер политической системы, стремящейся сформировать такую политическую культуру, которая будет

поддерживать ее легитимность. Свою лепту вносят информационные технологии, трансформируя традиционные принципы и элементы существующей политической культуры. Таким образом, разнообразие факторов, оказывающих влияние на политическую культуру, и высокая восприимчивость молодежи к этим изменениям дают основание говорить о ней как о достаточно пластичном феномене, который определяет не только актуальное положение дел в стране, но и ее облик в будущем.

Литература

1. Анисимова О.В. Влияние системы образования на процесс формирования политической культуры современной молодежи // Интеграция образования. 2009. № 2. С. 30–32.
2. Евгеньева Т.В. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнёва, Д.Е. Антонов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 63–71.
3. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 166 с.
4. Иванова Ю.В., Крикунова В.А. Тенденции и механизмы воздействия молодежной политической культуры на политический процесс // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 4(83). С. 48–55.
5. Кох И.А. Политическая культура студенческой молодежи / И.А. Кох, Т.С. Бирюкова, А.С. Скутин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 18–36. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36.
6. Крикунова В.А. Формирование молодежной политической культуры в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Чита, 2009. 23 с.
7. Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 59–86.
8. Чекмарев Э.В. Особенности политической культуры молодежи и факторы проявления радикализма // Власть. 2012. № 3. С. 102–105.